

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

КНИГИ
ЛУИЗЫ ФЕЙН

Дочь Рейха
Тайное дитя

Луиза
Фейн

ТАЙНОЕ
ДИТЯ

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Посвящается Милли, Джошу и Лотти

Образованный человек — это бездельник,
убивающий время на познание. Береги-
тесь его ложного знания; оно еще опаснее
невежества.

Джордж Бернард Шоу

Этот роман был навеян личным опытом автора по воспитанию ребенка, страдающего эпилепсией. Вообразив себя живущей веком раньше, в эпоху, когда верили в ущербную науку, а сама эта эпоха была сформирована ксенофобией, предрассудками и страхом, автор надеется привлечь внимание к подходам и клише, которые живы и по сей день и продолжают влиять на наше общество и язык.

Часть первая
Июль
1928 года

ГЛАВА 1

Элино́р

Мейбл крепко держится за руку Элино́р. Их рессорная двуколка быстро катится по проселочной дороге. Из-под копыт Дилли в знойный июльский воздух взлетают облачка пыли. По обеим сторонам дороги, словно часовые, стоят деревья. Их ветви нависают над дорогой и изгибаются подобно аркам собора, образуя прохладный зеленый купол, который защищает маленького пони и сидящих в двуколке от нещадного послеполуденного солнца.

— Быстрее! — хихикает Мейбл, глядя сияющими глазами на мать. — Пусть Дилли бежит быстрее!

Девочка оглядывается на дорогу и весело смеется. Ей нравится, что ветер играет ее локонами, почти прозрачными на солнце, а сама она возбужденно подпрыгивает на сиденье рядом с матерью.

Элино́р натягивает поводья. Те похрустывают. Ветер доносит слабый запах конского пота. Для такой жары пони бежит достаточно резво. Они так и так приедут намного раньше времени, чтобы встретить лондонский поезд, прибывающий в 16:25.

— Мейбл, Дилли не может бежать быстрее, — отвечает Элино́р. — Сейчас слишком жарко. И потом, она уже довольно старая. Было бы некрасиво ее перенапрягать.

Гнедые бока Дилли потемнели от пота, но она по-прежнему бежит быстро, добросовестно подчиняясь командам Элино́р. Уши лошадки наострены, голо-

ва поднята, словно и она вместе с хозяйкой радуется возвращению Роуз. Элинор захлестывает счастье. Она думает, как поделится с сестрой замечательной новостью, и представляет реакцию Роуз. Даже Эдвард пока об этом не знает.

Мейбл надувает губки и отпускает руку матери:

— А сколько Дилли лет?

— Где-то около тринадцати.

— И она старая?

— Пожалуй, для пони это средний возраст.

— Мама, а тебе сколько лет?

— Мейбл, неприлично спрашивать у леди о ее возрасте, — смеется Элинор, наклоняется и целует дочку в макушку. — Но тебе я скажу, только пусть это останется нашей тайной, — говорит она, похлопывая себя по переносице и делая суровое лицо.

Мейбл кивает. Личико малышки тоже принимает серьезное выражение.

— Мне двадцать семь. В общем-то, почти двадцать восемь, — удивленно добавляет Элинор.

Когда же она успела достичь этого уже не юного возраста? Всего год назад ей было двадцать; во всяком случае, так говорят ее ощущения. И почему в двадцать восемь кажешься гораздо старше, чем в двадцать семь? А там и до тридцати рукой подать, сокрушенно сознаёт она. Тридцать лет для женщины — это старость? Мужчина такого возраста считается только-только входящим в расцвет сил, но женщина...

— Какая же ты старая! — восклицает Мейбл. — Значит, ты скоро умрешь, как Пэтч? Мама, но ты же не умрешь, правда?

— Боже мой, конечно же нет! Дорогая, люди живут намного дольше собак и пони. На самом деле для человека я еще очень, очень молодая.

Мейбл заметно успокаивается и задает новый вопрос:

— А тете Роуз тоже двадцать семь?

— Тете Роуз всего восемнадцать и вскоре исполнится девятнадцать, — отвечает Элино́р. — Она получила хорошее образование, достаточно попутешествовала и превратилась в смышленную юную леди, которой твой папа постарается найти обаятельного богатого мужа.

Элино́р закусывает губу. Пожалуй, она сказала много лишнего. Дочка, не понимая смысла слов, по обыкновению перескажет их совсем не тем, кому это надлежит знать. Она бросает взгляд на Мейбл. Та сосредоточенно смотрит на дорогу. Малышка совсем замерла; скорее всего, обдумывает новую порцию вопросов, рождающихся в ее четырехлетнем уме. В нарядном платье, украшенном желтыми и розовыми цветочками, она выглядит как картинка. Элино́р согласилась с Мейбл: только в таком платье и ехать на станцию встречать тетю Роуз.

Мейбл поворачивается и поднимает взгляд на Элино́р. В глазах малышки — непонятная темнота. Элино́р уже несколько раз замечала эту почти неуловимую темноту, которую она склонна приписать своему воображению. Через мгновение темнота исчезает, и личико Мейбл вновь озаряется.

— Можно, мы споем песенку? — улыбаясь, спрашивает Мейбл.

— Чудесная мысль, — кивает Элино́р.

— Мама, а что мы будем петь?

— Давай подумаем...

Элино́р набирает в легкие побольше воздуха и, подчиняясь ритму цокающих копыт Дилли, начинает раскачиваться и петь. Мейбл быстро присоединяется к ней и тоже раскачивается, выводя припев:

Боже, ну что там могло приключиться?

Что же могло с ним такого случиться?

Боже, ну что там могло приключиться?

С ярмарки Джонни пора б воротиться.

ТАЙНОЕ ДИТЯ

Лент синих охапку купить обещал он.
Лент синих атласных купить обещал он.
Лент синих охапку купить обещал он,
Чтоб в мои дивные косы вплетать...

Всех слов и порядок куплетов Элинор не помнит, а потому придумывает на ходу. Мейбл, похоже, совсем не возражает и радостно, хотя и нестройно подтягивает во всю мощь своего голоса. Дилли шевелит ушами.

Яблок зеленых купить обещал он.
Сочных, хрустящих купить обещал он.
Яблок зеленых купить обещал он,
Чтоб ими могла я себя улаждать¹.

Деревья расступаются. Теперь дорога тянется вдоль поля. У канавы, почти у самой обочины, лениво бродят косматые коровы и телята галловейской породы, помахивая хвостами над своими круглыми и такими же косматыми задами. Поперек туловища у них тянется белая полоса. Обвислые животы елозят по высокой траве. Головы опущены, что неудивительно для столь жаркой погоды. Над ними выются тучи насекомых. Проезжая мимо, Элинор энергично отмахивается от докучливых кровососов. Впереди над дорогой дрожит послеполуденное марево. За полем сквозь кроны деревьев проглядывает островерхий купол далекой церкви.

— Почти доехали, — говорит она Мейбл.

Дочка продолжает напевать себе: «Боже, ну что там могло приключиться?» Эту строчку она повторяет снова и снова, выдерживая небольшие паузы.

В конце поля дорога делает поворот. Появляется здание станции, напротив которого стоит паб «Белый олень». Далее, взбираясь на склон холма и ухо-

¹ Старинная английская детская песенка, появившаяся еще в 1770-е годы. Автор приводит одну из многочисленных версий. — *Здесь и далее примеч. перев.*

дя за пределы видимости, раскинулась деревня Мейфилд — типично английская деревня, живописная, утопающая в зелени, с непременно полем для крокета, утиным прудом и майским деревом. Исторические деревянные каркасные дома — некоторые строились еще во времена Тюдоров — тянутся волнами вокруг зеленого сердца деревни, а сама она органично вписывается в красоту холмов Суррея.

Элинор натягивает поводья, и неизменно послушная Дилли замедляет шаг. До поезда остается еще больше десяти минут.

— Тпру! — командует Элинор.

Пони и двуколка останавливаются. Элинор сходит на землю и, не отпуская поводьев, ведет Дилли к поилке за пабом. Пони долго пьет воду, шумно втягивая ее сквозь металлический мундштук. Затем Дилли трет мордой о плечо Элинор, едва не лишая хозяйку равновесия.

— Что, девочка моя, зачесалось?

В ответ Дилли фыркает, вызывая смех Мейбл. Элинор ласково треплет пони по шее и отводит под тень раскидистого бука, что растет вблизи паба. Дилли опускает голову и упирается в ствол задней ногой.

Элинор ссаживает Мейбл с двуколки, чтобы дочка размяла ноги на дорожке. Пока они ждут поезда, Элинор наблюдает за малышкой. Та с восторгом разглядывает жука, затем тянется к пестрому камешку, не переставая щебетать сама с собой. Один или два раза Мейбл прерывает свое щебетание и замирает. Кажется, будто она что-то вспомнила... Потом, через секунду-другую, продолжает исследовать окружающий мир.

— Добрый день, миссис Хэмилтон, — слышится с другого края дороги.

Это Тед, местный почтальон. Помахав ей рукой, он подходит к почтовому ящику за станцией.

— Ну и жаркий сегодня денек! — добавляет Тед, доставая из кармана ключи.

— Не то слово!

Элинор проводит по лбу рукой в перчатке, словно показывая почтальону, что вот-вот расплавится от жары.

Дверца почтового ящика со скрипом открывается, заслоняя голову Теда, который вытряхивает письма в подставленную сумку.

Элинор лениво наблюдает за Тедом, мыслями уносясь к совсем уж скорому возвращению сестры домой. Как же она соскучилась по младшей сестренке! Роуз — это все, что осталось у Элинор от детства и прежней семьи, и импульсивное желание держать сестру подле себя, в безопасности, становится почти невыносимым. Возможно, из-за того, что оба их брата погибли на войне, а затем один за другим трагически расстались с жизнью родители, Элинор, естественно, боится выпускать сестру из поля зрения. Ей понадобилось проявить изрядное великодушие, чтобы позволить Роуз надолго отправиться в Париж. До появления Эдварда они с Роуз были совсем одни в целом мире.

Эдвард так заботливо относится к Роуз. Дорогой Эдвард, какой же ношей явились они с сестрой для него! Женившись, он взял на себя гораздо больше, нежели заботу о жене. И Роуз, конечно же, должна поскорее найти себе мужа и освободить Эдварда от ответственности за двух женщин, особенно когда ожидается пополнение семейства. Рука Элинор ложится на живот, а глаза перемещаются на Мейбл, которая сидит на корточках под деревом и собирает прутики. Элинор пытается представить сестру под руку с обаятельным молодым человеком, и грудь сдавливает от острого ощущения потери.

Она встряхивает головой. Нельзя и дальше удерживать Роуз подле себя. К тому же сестра имеет пол-

ное право на семейное счастье. Элино́р представляет, какой была бы ее жизнь без Эдварда, и испытывает легкую дурноту.

Первая встреча с Эдвардом глубоко врезалась ей в память. Воспоминание живо рисует ей то время, и у Элино́р перехватывает дыхание, совсем как восемь лет назад, в 1920-м. Широкие плечи под ладно сидящей формой, медали, украшающие грудь. Едва взглянув на них, Элино́р увидела Военный крест, присуждаемый за особую храбрость. Вошедший был высокого роста. Элино́р тогда работала секретаршей в Военном министерстве. Сидя за пишущей машинкой, она смотрела, как мужчина опустился на стул возле кабинета бригадного генерала, и думала, за какие подвиги его могли наградить этим орденом. Проникающие в душу глаза, задержавшиеся на ней чуть дольше, чем положено капитану, явившемуся для демобилизации. Элино́р помнит, какое впечатление он произвел на нее. В груди что-то жарко запульсировало; слова, которые она печатала, расплавились и потекли по странице. У нее по сей день сохранились ощущение ласкового весеннего ветерка, дувшего из открытого окна, и шум уличного движения по Хорс-Гардс-авеню. Его пристальный взгляд буквально давил на нее, когда она, с покрасневшими щеками, безуспешно пыталась сосредоточиться на работе. Краешком глаза Элино́р видела, как из нагрудного кармана капитан достал записную книжку и авторучку, затем, наморщив лоб в раздумье, начал писать. «Может, он поэт?» — подумалось ей тогда. Или подготавливается к беседе с генералом.

— «Яблок зеленых купить обещал он», — вдруг затягивает Мейбл, глядя на Элино́р. — Мама, я правильно пою эту песню?

— Да, дорогая, — рассеянно бормочет Элино́р.

Когда Эдвард скрылся за дверью кабинета бригадного генерала, Элино́р обнаружила, что у нее сильно

бьется сердце, на коже выступил пот, а дыхание стало хриплым. Через какое-то время он снова выйдет в приемную. Сознавая это, Элинор поправила волосы, разгладила блузку и пощипала себя за щеки для появления румянца. Ей показалось, будто прошел не один час, прежде чем он вышел. Элинор сознавала всю нелепость положения. Ну кто она? Обыкновенная девушка-секретарша. А он военный, мужчина намного старше ее. Должно быть, ему лет тридцать или даже все тридцать пять. Ей же всего девятнадцать! Вдобавок еще и сирота с сестрой на руках. Такой умный, уверенный в себе, храбрый и обаятельный мужчина, как он, не найдет в ней ничего интересного.

Он вышел, повернулся.

— Удачи вам во всем, — сказал бригадный генерал и так энергично пожал Эдварду руку, что у самого задрожали усы.

«Он из временных джентльменов», — догадалась Элинор. Так называли тех, кого во время войны призывали на офицерскую службу. Теперь он демобилизовался и вернется к своей прежней профессии. «К какой?» — задавалась вопросом Элинор, не в силах отвести взгляд от бравого капитана, который вот-вот покинет приемную. Прежде чем надеть фуражку, он повернулся к ее столу. Его лицо озарила теплая, удивительная улыбка. Проходя мимо, он положил возле машинки сложенную записку. Бригадный генерал, конечно же, ничего не заметил, поскольку явно думал о сотнях других временных джентльменов, которых ему предстояло демобилизовать в ближайшие дни.

Сегодня, в шесть вечера, я буду в кафе «Брю» на углу Уайтхол-плейс. Не могли бы Вы встретиться со мной за чашкой чая? Смеем Вас заверить: мое приглашение является чисто профессиональным.

Искренне Ваш, Эдвард Хэмилтон